

Течение обыденной жизни, складывающейся из привычных действий, слов, отношений, подчиняет себе человека, "влачит" его в потоке дней, похожих друг на друга.
 В центре внимания Александра ГАХОВА - герои, не желающие смириться с "незамысловатостью" своей судьбы, стремящиеся вырваться из кольца стереотипов, "совершить зигзаг" - и познать новое, иное, неведомое ранее. Да, возможно, "большое, настоящее" прошло прежде мимо. Да, был некогда страх одиночества, были компромиссы от малодушия. И определялось многое принципом: "Лучше синица в руках..." Было довольство "не тем" - и недовольство всей своей жизнью, подспудно накапливающееся годами. Была боязнь события, несущего перемены в судьбу. Эту боязнь сменила жажда "событийности бытия", жажда "настоящей жизни".
 Именно в такой момент - в канун судьбоносного События - изображает автор Сухова и Алё, героев рассказа "Колечко".
 Главное в этой новелле - психологическое состояние человека, замыслившего "бросить вызов Судьбе", та подспудная работа, что совершается в глубинах души, почти ничем не проявляя себя до поры до времени во внешнем течении жизни.

Александр ГАХОВ

КОЛЕЧКО

1

Август обещался быть дождливым и тёплым. Золотая пора отпусков: и погода балует, и стол не пуст, как в июне. Первую половину он и был таким. Ночью шёл дождь, а днём до одурения парило. Во второй половине лето будто опомнилось и, прежде чем окончательно сдать свои права осени, порадовало по-настоящему жаркими деньками.

Мануальный терапевт Сухов из городской поликлиники профессионально не любил этот летний месяц. Человеческая жизнь так устроена, что люди в своей суете подчас сами создают проблемы для своего здоровья. Это происходит круглогодично. Они что-то себе тянут, выкручивают, ущемляют, но почему-то из года в год именно на август у него приходился пик наплыва и столпотворения пациентов. Вот и сегодня с утра очередь.

В дверь кабинета постучали, она приоткрылась.

- Можна? - выжидающе продребезжал старческий голос. По голосу он узнал постоянную пациентку.

- Да-да, - чуть помедлив, пригласил он, - входите, Зинаида Петровна, - и, не отрывая взгляда от журнала, куда производил запись, почувствующе поинтересовался: - Вновь к нам?

- Здравствуйте, Павел Михайлович, - с порога заблуждала старушка, - к кому же мне ещё, как не к своему ангелу-спасителю? - и смущённо пояснила: - Вчера решила устроить постируску, а сегодня не разогнуться. Поясница, будь она не ладна. - Разглаживая морщинки, лицо старушки осветила улыбка, - Вышла из дома и загадала: если дойду до него, поднимет он меня, старую. Руки-то у вас золотые.

- Раз дошли, - подтвердил он, откладывая ручку в сторону, - значит, поднимем, - и, поглядев на старушку, улыбнулся: - Вешалочка и стульчик в вашем распоряжении. Раздевайтесь, пожалуйста. Я только руки подготовлю.

- Павел Михайлович, - через мгновение продребезжала озабоченно старушка, - тут у вас кто-то колечко оставил, - и, анализируя вслух, предположила: - Видимо, эта молодая женщина, которая была до меня. Она от вас такая счастливая вышла.

- Счастье - понятие растяжимое, - уклончиво заметил он и, принимая кольцо из рук старушки, с напускной строгостью проворчал: - Странный пошёл народ, думают, у меня тут поле чудес, что оставят, то и прорастёт. - Он пригласительно пояснил: - Тут с месяц назад одна знакомая оставила цепочку с крестиком. После неё были ещё две пациентки. Плохо не подумаешь, а вещицы нет. Никто не видел.

- Не говорите, Павел Михайлович, - покачив головой, посетовала старушка, - нечестный пошёл народ, - и перекрестилась: - Прости

их, Господи, не ведают, что творят. Своё несут, да ещё и чужое прихватить норовят.

- Да не в этом дело, - думая о чём-то своём, отстранённо произнёс он, - отвратительное чувство - будто сам к этому причастен, - и, улыбнувшись, с признательностью в голосе добавил: - А вам, Зинаида Петровна, большое спасибо.

По всей видимости, колечко было обручальным. Перед тем как положить его в стол, Павел Михайлович повертел его в руках и задумчиво поглядел в окно. Там, ещё не разомлевшая от полуденного зноя, жила своей жизнью улица.

2

Пыльно-грязные листья старой липы, до которых можно было дотянуться из окна рукой, чуть подрагивали. Они закрывали обзор, но оттуда, снизу, доносились голоса людей и шум проезжающих машин. На какое-то мгновение ему показалось, что всё это он уже однажды видел. И подумалось, что кто-то необъяснимо-незримый в шутку - или для чего-то ещё, - прежде чем выкинуть в корзину, показал ему неудавшийся дубль его жизни. А исчезнув, где-то в подсознании видение оставило тревожно-радостное чувство ожидания, дремавшее в нём до этого момента. Но тут же неприятно резануло: а вдруг это показанное мгновение и есть настоящее? А он здесь, в этом неудавшемся куске, непонятно для чего и зачем. А может, мелькнуло это видение для того, чтобы он спокойно взглянул на свою жизнь и понял то, что только в ней одной не было смысла? Не того - показного, которым живут многие, а того единственного, который делает человека живым и счастливым.

Жизнь Павла Михайловича была незамысловатой. Ему казалось, что в ней за сорок пять лет ничего существенного не было. Действительно, когда жизнь состоит из повседневных обязанностей и забот на работе и дома, она незамысловата и проста. Грешная жизнь тоже бывает незамысловатой. Именно в ней подразумеваются сильные страсти, метания души, порочность и возмездие. И не из-за двух ли начал, проистекающих в каждом из нас, человек и прост и сложен одновременно? Всё это в нём связано в одно, как лето и зима в один год. «И не по той ли самой причине, - вдруг подумалось Павлу Михайловичу, - колечко, оставленное незнакомкой, есть зашифрованный знак свыше?»

Возможно, подавая такие знаки, провидение хочет обратить наше внимание на что-то очень важное и значительное, мимо чего мы проходим или можем пройти. Так же, как и в мимолётном, зачастую порочном сближении мужчины и женщины, возможно, присутствует некое желание показать упущенный шанс,

вероятный несостоявшийся вариант в движении...

Осматривая очередного пациента, Павел Михайлович поймал себя на мысли, что постоянно думает об этой женщине. Он всё больше и больше вспоминал её. Видел её лицо - это божественное произведение искусства. Чуть удивлённые глаза, цвета незрелых ягод крыжовника, от тёплого света которых в нём что-то дрогнуло и начало таять.

День был наполнен маленькими странностями. Впервые за эти дни его не раздражали пациенты, которые почему-то на середине сеанса начинали откровенничать с ним. «Маяк» по приёмнику мурлыкал душетревожащие песенки о любви.

- Может, так оно и случается - что-то стоящее в этой жизни? Ненавязчиво, буднично, как само собой разумеющееся. Новизна переполняла его. Ему казалось, что сейчас он уже готов, даже не зная, как она себя поведёт, - может, рассмеётся прямо в лицо, приняв его слова за блажь, - сказать, что любит её очень давно. В тех женщинах, с кем его сводила на своих перекрёстках жизнь, он искал её. Он не помнил, когда говорил им эти наполненные мистическим смыслом слова. Этот пароль судьбы, открывающий дверь в иную жизнь, с иными измерениями. Женившись, он думал, что нашёл её. Но вблизи всё оказалось не тем. Сложилось как сложилось, да только счастья не было, не жизнь - мишура.

А рядом с ней - ничего не страшно.

«Но она ведь замужем», - трезво мелькнула мысль и тут же пропала: о счастье по кольцу не судят...

3

Пропажу кольца она обнаружила дома, когда, придя разгорячённой и немного уставшей от полуденного зноя, решила освежиться под душем. Вначале она растерялась и ничего не могла понять. Лениво, как облако за окном, проползла мысль: «Вроде бы нигде не снимала», а «старушка-безысходность» тревожно шепнула в самое ухо: «Плохая примета». Став под душ, она закрыла глаза и подняла лицо, подставив его под прохладные щекоочущие струи. Да так и стояла, пока не пришло облегчение и ясность мысли.

«Правильно, - улыбнувшись, вспомнила она, - я его сняла машинально с часами в кабинете врача». И почему-то с лёгкой весёлостью подумалось: позвони она ему сейчас, он с напускной строгостью в голосе назовёт её «Машей-растеряшей». До этого момента она почему-то не могла отвлечься на чужую жизнь. А сейчас, вспомнив о враче, подумала о нём как женщина. Что ей нравилось в его лице? Определяющей частью его лица были тёмно-серые глаза, глубоко посаженные, отчего вначале показались ей

чёрными. Правильно был исполнен подбородок, и улыбка твёрдо очерченных губ, несущая человеческую суть, была хорошей. Он был немного выше её и сложения крепкого.

При осмотре его рука, коснувшаяся её плеча, была горячей, исторгающей какой-то озноб. В первый момент ей показалось, что коснулся он её не рукой, а оголённым проводом высокого напряжения, взятого со стоящего возле её дома столба, на котором ещё была прибиита жестянка с черепом и костями. Сейчас ей было смешно. Жизнь казалась не столь значительной, а в тот момент, внутренне опасаясь за неё, она оцепенела и сжалась, так как другой жизни в запасе не было. В какой-то момент напряжение спало, отпустило. Стало легко.

С доверчивой внимательностью старательной школьницы слушала его голос. Ей казалось, он говорил что-то несущественное, касающееся решения её проблем. А сейчас она поняла, что успокаивали сам звук его голоса и та убеждённая, с которой он произносил простые слова. И чем больше сейчас она о нём думала, тем реальнее ей казалось, что с ним она могла быть откровенной до самого доньшка, доверить то, что хранилось в самом сокровенном уголке души. Поведать то, в чём боялась признаться самой себе, и, пусть ей уже сорок и начинает мучить старческое, поверить в то, что всё ещё впереди. Это в двадцать ей казалось, что всё уже позади. А время безжалостно. Она сознавала, что в её безысходности есть и её вина. Боялась остаться одной. Трусилась, шла на компромисс, а в результате довольствовалась не тем. И знает теперь, как бесконечно длинными осенними ночами, лишая покоя и сна, прорывается чувство внутреннего одиночества.

Это было как ожидание чего-то большого, настоящего, ею не испытанного, прошедшего мимо неё. Улыбнувшись, она вспомнила где-то читанное, что «потеря реальности есть влюблённость». И, чувствуя, как в ней просыпается забытая лёгкая весёлость - вот и кольцо забыла, «потеряла реальность», - чисто по-женски оправдалась: «Что только жара с человеком не сделает».

4

Она стояла под струёй воды, вслушиваясь в своё новое состояние. Выйдя из-под неё, осторожно ступила на пол и медленно, будто вымеряя босыми подошвами его устойчивость, подошла к зеркалу. Сейчас она была похожа на озёрную нимфу. В это лето она похорошела и, взглянув в зеркало, узнавала и не узнавала себя. В ней от кончиков рук и ног, как пузырьки в открытой бутылке с газированной водой, взбегали лёгкость и радость.

Это было невероятным, как состояние невесомости, как ощущение

счастья, которое, перелившись, станет невыносимым до слёз.

«Вот ещё, не хватало только влюбиться», - вытираясь, подумала она. Но что-то ненавязчиво подсказывало, что именно этого и не хватало. Успокоила она себя тем, что подумала: «Я ведь ничего не знаю о нём». Эта мысль была спасительной соломинкой, за которую она ухватилась. С какого-то момента ей стало казаться: чего она не знает - того не может быть. А если чего не существует в действительности, решила она, то об этом не стоит и думать. Чуть позже позвонила в справочную, узнала его телефонный номер. По-видимому, на номере было несколько телефонов. Трубку подняла женщина, но он был где-то рядом, так как в следующий момент она услышала его голос...

- Слушаю вас, - на том конце провода устало загустела тишина.

- Ещё раз здравствуйте, Павел Михайлович, - внутренне робея, нарушила она её и замолчала, подыскивая нужное слово, заклинившее, как патрон в обойме в самый неподходящий момент.

- А, это вы, Аля, - узнавая её, с теплотой в голосе произнёс он и, видимо приняв робость, прозвучавшую в её голосе, за озабоченность, успокоил, добродушно усмехнувшись: - Оказывается, вы Маша-растеряша. У меня ваше колечко.

От его голоса её сердце ухнуло куда-то вниз. Будто чувствуя её состояние, он замолчал. Аля слышала его дыхание, но ей хотелось, чтобы он говорил и говорил. Она чувствовала, что он хочет ей что-то сказать, но либо не решается, либо не может из-за неудобства своего положения. Молчание становилось до неприличия невыносимым, и она, найдя в себе силы, выдала: - Спасибо, до завтра.

Повесив трубку, она ещё некоторое время стояла, придерживая её так, будто ещё чувствовала его тепло, идущее к ней. Только позвонив ему, она поняла, что проверяла прежде всего себя, правильность своего ощущения, возникшего под душем. Там она не смогла объяснить этого себе. Её тревожил не сам факт физической пропажи кольца, а исчезновение чего-то другого, незримо-тонкого, но более существенного и важного, даже в чём-то мистического, стоявшего над понятием обручального кольца. И, осознав это, холодея, она подумала: «Возможно, было бы лучше, если бы я действительно потеряла кольцо», - и тяжело вздохнула. «А может быть, - мелькнула мысль, - я захожусь на пороге чего-то настоящего, неведомого, чего ещё никогда не испытывала в своей жизни?» И до того была в ней щемяще-острой эта пугающая неопределённость, что она тихо заплакала, будто прощаясь со своей прошлой жизнью...